

О лирике Фета

При своем вступлении на литературное поприще Фет (Афанасий Афанасьевич Шеншин, 1820–1892) благосклонно был встречен как публикой, так и критикой, которая признала за ним несомненное поэтическое дарование. Его стихи напоминали лирические стихотворения Гете, а в то время, в эпоху 40-х годов, восторгаться Гете и Гегелем считалось обязательным для всякого образованного человека. Но в 60-х годах обстоятельства русской жизни вызвали новые вопросы. В русской литературе на первый план поставлены были вопросы об освобождении личности от произвола и насилия. Что не содействовало прямо освободительному движению, то вызывало насмешки и пренебрежение. Поэзия Фета, не затрагивающая общественных мотивов, вызвала неприязненное чувство. Фета стали пародировать, смеялись над безыдейностью и бедностью мотивов его стихотворений и высказывали сомнения в его поэтическом даровании. Такое придирическое отношение к поэзии Фета не имеет серьезных оснований. Произведение искусства не теряет своего назначения, если содержание его взято не из современной действительности, а из древнего мира. Мелодия, улаждающая сердце, не менее дорога человеку, хотя она ничего не говорит ему о современности. Гете считался и считается великим поэтом, хотя он не увлекался своей современностью, а устремлял взоры свои только в вечные свойства природы, в вечные начала души человеческой. Отсюда ясно, что отрицать присутствие у Фета поэтического таланта на том основании, что он не затрагивал современных вопросов, нет никакого основания.

Главным достоинством стихотворений Фета является глубина и сила чувства. Быть искренним и правдивым нелегко. Если поэт описывает действительное состояние своего сердца, тогда другие люди сочувствуют ему и очаровываются его поэзией. Поэтому первое условие лирического стихотворения — то, чтобы оно было пережито автором. В числе стихотворений Фета, можно сказать, нет ни одного, которое не было бы внушено внутренним, невольным побуждением чувства. Иногда Фет сам не в состоянии совладать со своим внутренним, поэтическим побуждением, выражает его неудачно, темно, но, несмотря на это, видно, что основной мотив верен и искренен. Притом мотивы Фета заключают в себе иногда такие тонкие оттенки чувства, что нет возможности уловить их в определенных отчетливых чертах. Эта черта фетовской поэзии служит причиной того, что многие читатели не относятся к нему с надлежащим вниманием. В то время как одни, одаренные развитым эстетическим вкусом, сразу схватывают поэтическую нотку стихотворения и терпеливо задумываются над ним, чтобы уловить сущность смутного и неопределенного ощущения, изображенного в нем, — в это время другие, чуткие к красоте, ограничиваются беглым просмотром стихотворения и не открывают там ничего, кроме странного набора слов. Если бы Фет был поэтом мысли по преимуществу, то его можно было бы толковать, разъяснять, но когда дело касается тонких и чуть уловимых поэтических ощущений, тогда трудно надеяться возбудить внимание и быть понятным для людей, не испытавших подобных ощущений.

По И. Глебову

Афанасий Афанасьевич Фет является исключительно лириком. Поэзия его проникнута светлым, жизнерадостным настроением, отличается юношеской свежестью и полнотою чувства. Тоска, страдание, внутренний разлад чужды ему, и только тихая, светлая грусть звучит иногда в его стихах. Красота, поэзия и радость жизни — вот постоянный источник вдохновения Фета. Мрачная, трагическая сторона ее, не менее доступная

поэтическому восприятию и обработке, остается вне сферы его творчества, и в этом, конечно, заключается его односторонность. Влюбленный, как художник, в красоту жизни, Фет умеет находить ее во всех явлениях действительности, даже самых обыденных. Всякая мелочь получает у Фета неожиданное поэтическое значение, и с замечательным искусством создает он из таких тонко подмеченных мелочей целую живую картину.

Баратынский выразился однажды, что сущность поэзии заключается в полноте ощущения текущей минуты. Это определение как нельзя более подходит к поэзии Фета. Уже давно критики прозвали его «поэтом мгновенья». Действительно, как никто другой, Фет умел улавливать и передавать те мимолетные, неуловимые, часто смутные ощущения, которые постоянно сменяют друг друга в душе человека, не доходя до ясного сознания. Он сам считал эту способность характерной чертой истинного поэта.

Но изображение этих смутных и сложных душевных состояний представляет громадные трудности для лирического поэта. Можно сказать, что поэзия Фета обыкновенно стоит на границе невыразимого. Отсюда — невозможность строго логического анализа и пересказа очень многих его лирических стихотворений. Одним порывом крылатого вдохновения переносится он от одной мысли к другой, от одного образа к другому, не имеющему, на первый взгляд, ничего общего: пыль, поднятая скачущим вдали всадником, напоминает ему отсутствующего друга; тень от вертящегося над лампой кружка вызывает в его воображении картину осеннего отлета грачей; из потускневшего пепла камина, чудится ему, выступают какие-то «неразгаданные лица», — и в памяти поэта —

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль!..

Но эти логические скачки, несмотря на их кажущуюся несообразность, тем не менее, основаны на внутренней психологической закономерности и потому понятны нам, понятны не столько уму, сколько чувству. Даже тогда, когда поэт изображает смутный лихорадочный бред, как, например, в стихотворении: «Полуночные образы реют...», или уносит нас в причудливо-волшебное царство мечты («Фантазия»), мы легко входим в его настроение, сживаемся с ним, оно кажется нам знакомым и понятным. Никто из русских поэтов не умел так ясно говорить намеками, как Фет, пробуждая одним словом, одним образом целую вереницу чувств и грез в душе читателя. Этой богатой выразительностью поэзия Фета более всего обязана присущей ей внутренней музыкальности. Недаром сам поэт назвал целый отдел своих стихов «мелодиями». Музыкальная мелодия вообще составляет приводящий элемент почти каждого из его стихотворений, которые поэтому отличаются особенной певучестью: большое число их положено на музыку лучшими русскими композиторами (Чайковским, Римским-Корсаковым, Арениским). Можно даже сказать, что поэзия Фета богата не столько пластическими, сколько музыкальными образами, которые часто дополняют то, что не может быть выражено словом, и вернее всего передают настроение, вложенное в них поэтом («Серенада», «Спи, еще зарею...», «Певице», «Я тебе ничего не скажу...», «Благовонная ночь, благодатная ночь...», «На стоге сена ночью южной...»).

По В. Саводнику

В своей поэзии Фет является, с одной стороны, певцом душевных настроений и чувств, лириком, с другой — строгим и правдивым художником природы. Как лирик, он в передаче душевных настроений совершал чудеса со стихом и словами, приближая их к музыке (целый отдел стихов справедливо назван «Мелодии»). Как художник природы, он обладал наблюдательностью, зоркостью, умением схватывать и запечатлеть в стихе краски, запахи, характерные детали из жизни природы; в этом искусстве Фета не превзойдет ни один русский лирик. Он внес в свою лирику множество новых образов

и умел достигать сочетанием слов иллюзии той свежести, красоты и благоухания, которые дарит нам живая природа. Легкими намеками, неожиданными сочетаниями образов поэт рождает в душе то настроение, которое звучало в нем самом, как некая музыка, томящая душу. Поэт совершенно отверг обычную логику и обычные литературные формы для передачи переживаний. В формах принятых, установленных, можно рассказать о том, что уже находило себе выражение в литературных произведениях, для чего создан как бы трафарет; или же в обычных формах выражений можно передать что-либо отчетливо осознанное, реальное, простое. Но как в обыденных сочетаниях слов передать те нежные, воздушные веяния, которые живут в чуткой душе поэта невыразимой музыкой сильных и страстных чувств? Вот почему поэт восклицает:

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

А в одном из стихотворений по поводу того же бессилия «сказаться» обычными словами, он говорит:

Не нами
Бессилье изведено слов к выраженью желаний.
Безмолвные муки сказались людям веками,
Но очередь наша, и кончится ряд испытаний
Не нами.

Задачей поэта является передача не мыслей и идей, для которых можно найти более или менее точные выражения, а ощущений и чувств. И в технике стиха Фета отражается это стремление передать неуловимое и воздушное в явлениях душевного мира. «Лишь у тебя», – обращается он к поэту, –

...Крылатый сердца звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах...

И в своих «мелодиях», и вообще в лирике настроений Фет отличается именно таким мастерством передать нечто воздушное и неуловимое, подобное радужной бабочке, которую описывает поэт:

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу!
Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот, вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу!

Эта сверкающая бабочка, которой лишь на мгновенье можно полюбоваться, есть образ фетовской лирики настроений. Поэт закрепляет то, что мимолетно, то, что лишь на мгновенье блеснуло и исчезло, — жизнь мгновения он делает содержанием своих строк, за что и прозван «поэтом мгновения». Поэтому его стихотворения являются как бы поэтическими кусочками, осколками жизни, передающими красоту того или иного мгновения жизни («Благовонная ночь, благодатная ночь...», «Звезды», «Спи, еще зарею...», «На стоге сена ночью южной...», «Шепот, робкое дыханье...», «Молчали листья, звезды рдели...» и др.).

По Н. Кадмину

Фет — самый беспечный и аристократический из поэтов. В его поэзии нет напряженности и глубокой сосредоточенности тютчевского стиха. Его лирика — радостное и светлое настроение верующего. Он смотрит легко и без страдания на бесконечное разнообразие мира, как верующий, для которого ясно присутствие Бога во всем. Он без

труда созерцает весь мир прекрасным. Он наполняет счастьем и радостью все попадающее в поле его зрения, преобразуя каждое явление в прекрасное. «Для него, — по выражению Н. Страхова, — внешний мир есть только повод к поэзии». Тот же критик замечает:

«Больше всего у Фета поразительна именно та легкость, с которою он подымается в область поэзии. Эта область у него граничит, по-видимому, с самыми обыденными предметами и мыслями. Обыкновенно он не воспекает жарких чувств, отчаянья, восторга, высоких мыслей, — всего того, что считается почти неперемнной принадлежностью поэзии. Нет, он очень часто останавливается на чем-нибудь самом простом, на первой встретившейся картине природы, на переменах дня и ночи, на дожде и снеге или же на самом простом движении мысли и чувства и вдруг магическим стихом он преобразует все это в яркую красоту, в чистое золото поэзии. В этом отношении он — величайший чародей, несравненный поэт; чтобы отделиться от земли, ему не нужно никакого прыжка, почти вовсе не нужно усилия».

Это светлое настроение, эта аристократическая беспечность, окрашивающая неприглядную действительность в радужные цвета, родились в той усадебной обстановке, где черпал свои детские впечатления Фет.

Обстановка, окружавшая детство поэта, была отмечена довольством, уютностью и праздностью, столь типичными для барства, жившего даровым трудом рабов. Поэт рассказывает:

«За исключением свечей и говядины да небольшого количества бакалейных товаров, все, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством или сбором с крестьян».

Обширный штат дворовой прислуги; обилие поваров, так как «литературные интересы в то время далеко затмевались кулинарными»; «говорливый сонм горничных», с раннего утра деливших свежие новости; многочисленный круг помещиков-соседей и богатой родни и многое другое — все эти неизбежные элементы помещичьего быта составляют основу детских впечатлений поэта. Образованием будущего поэта занимались мало; у него не было гувернеров, и первыми сведениями в грамоте, как русской, так и немецкой, он обязан своей матери и наемному семинаристу-учителю.

С детства Фет обнаружил любовь к стихам и сам предавался сочинительству как немецких, так и русских стихов. Огромное впечатление произвели на него случайно попавшиеся ему пушкинские поэмы «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник».

Безмятежно и беспечально протекало детство того, кому предстояло создать светлые и радостные песни о красоте и гармонии, разлитых в мире.

Когда будущему поэту исполнилось 14 лет, отец отвез его в Верро, в пансион Крюммера, где мальчик изучал латинский язык, математику и физику. Через три года отец неожиданно взял его из пансиона, «чтобы не оставлять его в таком отдалении от родных», отвез в Москву и поместил у известного историка профессора Погодина для подготовки к университету. Воспоминания Фета об университетских годах и впоследствии о военной службе ярко обрисовывают его личность. Из университетских профессоров он интересовался только теми, лекции которых имели то или иное отношение к поэзии.

Полное безразличие и безучастие к вопросам общественным, склонность к комфорту и жизненным удовольствиям свидетельствуют о том, что только среди не задетых трагическими сторонами тогдашней действительности мог явиться «природы праздный соглядатай», в душе которого «шепот, робкое дыханье, трели соловья» заглушали все стоны и муки, доносившиеся с разных концов обширного отечества.

Лучшие черты Фета — его простодушная откровенность, отсутствие претенциозности, искреннее признание, что жизнь, в его глазах, это — красивое веселье в кругу товарищей и остроумные беседы. Своими стихами он будто хотел помочь приятелям еще полнее вдыхать жизнь, еще глубже наслаждаться красотами природы и радостями, рассыпанными на их пути. Счастливая, но неглубокая натура, он принимал жизнь такой, какой видел ее и искал красоты в ее пределах. Все, что требовало глубокого и вдумчивого

отношения или большого напряжения воли, не привлекало Фета. Он проходит мимо фактов, которые, казалось бы, не могли не задеть, не остановить внимания чуткого человека. В нем жило не два существа — человек и поэт — а одно, оставшееся верным себе и в жизни, и в поэзии. Он был «праздным соглядатаем». Сам он не раз признается в своих «Воспоминаниях», что «ко всем возможным направлениям он был совершенно равнодушен» и «никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо помимо красоты».

В поэзии романтизма Фет занимает совершенно особое место. Больше всего он ценит то, что приносит душе сладость и счастье; забвение печального и отталкивающего. Для Фета общение с высшим миром — это, прежде всего, равнодушие к «скорбной драме нашего временного бытия».

Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

Никто из поэтов романтического склада не заявил так откровенно, как Фет, что истинное поэтическое творчество, истинное общение с небом доступны только тем, кто освободился от оков жестокой действительности, от тяжелой борьбы за существование. Никто с таким аристократическим самодовольством не делил человечество на избранных и низких. Благодать свыше нисходит только на тех, кто свободен от «блеска жизни дольной».

В движеньи, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.
Нельзя с безбрежностью творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь и мрак уединенья —
Единый путь до божества.

Эти два настроения — аристократическая беспечность и пренебрежение ко всему, что мешает этой беспечности, красной нитью проходят через поэзию Фета. Он не борется с прозой жизни, с массами, с озлоблением и ненавистью обездоленных. Он просто не замечает их или проходит мимо них, даже как будто сознавая, что во всем этом много тяжелого и ужасного. Но все это не заслуживает внимания и усилия «избранных», потому что их дело — единственно нужное дело, и не может проза жизни остановить этого дела, не может уничтожить призрачный мир, который принадлежит поэтам. У Фета — это мир пестрых красок, ласкающих и веселящих взор, мир, лишенный содержания, почти не связанный с миром явлений. Он порхает в этом мире; оттого его стихи так музыкальны, его поэзия так легко усваивается. Он без труда перелетает в потусторонний мир и чувствует себя там радостно и свободно.

И так прозрачна огней бесконечность
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

Он радуется просветам в вечность и не стремится, подобно Тютчеву, изведать всю ее глубину. «Природы праздный соглядатай», он довольствуется, если ему удастся «стихии чуждой запредельной хоть каплю зачерпнуть». Его вдохновение — «стрельчатая ласточка над вечеряющим прудом». Он любит «незримое и безвестное», где «первый аромат». Где можно скрыться в «пышной неге».

Аристократическая беспечность навеяла ему его представление о мире как о вечном ликующем празднике. В одном из стихотворений, обращенных к Музе, он говорит:

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.

Его муза посылает ночам его бессонным сладость «блаженных снов и славы и любви». Он любит ее больше всего за то, что она помогает забыть «житейское волнение». Он не хочет «широкого венца», его муза не пленяла его «рассказом о щитах, героях и конях». Иную музу указала ему молодость:

Цветы последние в руках ее дрожали;
Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались с поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.

Его муза равнодушна к жизни и интересам масс, но иногда это равнодушие переходит в гордое презрение и вражду. Заботливо храня ее свободу, он не зовет к ней «непосвященных» и не оскверняет ее речей в угоду их «рабскому буйству». Она — «нетленная богиня», «в венце из звезд», «незримая земле, заветная святыня». Она должна жить «в тени, вдали от света», ее не должна смущать «печальная пора», когда «гетера гонит площадная царицу мысли и труда». Он верит, что «земному в небесный чертог не дано ничему достигать».

По П. Когану

По содержанию своему оригинальная поэтика Шеншина может быть подразделена на лирику настроений: 1) любовных, 2) природных, 3) философских и 4) социальных. Как певец женщины и любви к ней, Фет может быть назван славянским Гейне; это — Гейне незлобивый, без социальной иронии и без мировой скорби, но столь же тонкий и нервный, и даже еще более нежный. Если Фет часто говорит в своих стихах о «благоуханном круге», окружающем женщину, то и его любовная лирика — тесная область благоуханной идеалистической красоты; трудно вообразить себе более рыцарственно-нежное поклонение пред женщиной, чем в стихах у Фета. Когда он говорит усталой красавице («На двойном стекле узоры...»): «Ты хитрила, ты скрывала, ты была умна; ты давно не отдыхала, ты утомлена. Полон нежного волнения, сладостной мечты, буду ждать успокоенья чистой красоты»; когда он, видя влюбленную чету, чувства которой не поддаются выражению, с живейшим волнением восклицает («Она — ему образ мгновенный...»): «Да кто это знает, да кто это выскажет им?»; когда трубадур поет с бодрым весельем утреннюю серенаду: «Я пришел к тебе с приветом...» и с тихой нежностью вечернюю серенаду «Тихо вечер догорает»; когда он с истеричностью страстно влюбленного заявляет своей возлюбленной («О, не зови! Страстей твоих так звонок...»), что ей не надо звать его словами: «И не зови — но песню наудачу любви запой; на первый звук я, как дитя, заплачу — и за тобой»; когда он зажигает пред женщиной свои вечерние огни «коленипреклоненный и красотою умиленный» («Полонскому»); когда он же («Если радуется утро тебя...») просит деву: «подари эту розу поэту» и обещает ей в обмен вечно душистые стихи («в стихе умиленном найдешь эту вечно душистую розу»); возможно ли тогда не восхищаться этой любовной лирикой, и не готова ли повторить, читая Фета, благодарная русская женщина восклицание Евы в «Нюрнбергских мейстензингерах» Р. Вагнера, увенчивающей лаврами своего трубадура, Вальтера: «Никто, кроме тебя, не может домогаться любви с таким обаянием». Удачных, любовно-лирических стихотворений у Шеншина очень много; их можно считать чуть ли не десятками.

Большой знаток и ценитель природы вообще и русской в особенности, Фет создал целый ряд шедевров и в сфере лирики природных настроений; эту лирику у него надо искать под рубриками: «Весна. Лето. Осень. Снега. Море». Кому неизвестны стихотворения: «Печальная береза у моего окна...», «Теплый ветер тихо веет, жизнью свежей дышит степь...», «Светало. Ветер гнул упругое стекло». А сколько еще у Фета подобных, но менее известных стихотворений! Природу он любил во всей ее совокупности, не только пейзаж, но и царство растительное и животное во всех деталях; поэтому у него так хороши стихотворения «Первый ландыш», «Кукушка» и «Рыбка» («Тепло на солнышке» — известно по хрестоматиям).

Разнообразие природных настроений у Фета поразительно; ему одинаково удаются и осенние картинки, например, «Хандра» с ее заключительными стихами: «Над дымящимся стаканом остывающего чаю, слава Богу, понемногу, будто вечер, засыпаю», и весенние, например, «Весна на дворе». В области этого рода лирики Фет стоит наравне с Тютчевым, этим русским пантеистом или, точнее, панпсихистом, одухотворяющим природу.

Заметно ниже Тютчева Фет в своих лирических стихотворениях, посвященных философски-религиозной лирике. Таковы стихотворения «На корабле» (1857), «Кому венец: богине ль красоты...» (1865), «Не тем, Господь, могуч, непостижим...» (1879), «Когда божественный бежал людских речей...» (1883), «Я потрясен, когда кругом» (1885) и т. д.

Для поэтики Фета между ним и Лермонтовым характерно следующее различие: в стихотворении «На воздушном океане...» (в «Демоне») Лермонтов воспеваает байроническое бесстрашие небесных светил, в стихотворении же «Молятся звезды» (в «Вечерних огнях») Фет воспеваает кроткое христиански-религиозное сострадание звезд к людям («Слезы в алмазном трепещут их взоре — все же безмолвно горят их молитвы»); у Лермонтова есть мировая скорбь, у Фета — лишь мировая любовь. Эта мировая любовь Фета, однако, не глубока, ибо она не в силах объять человечество и современное Шеншинское русское общество, волновавшееся в 1860-е годы широкими, до известной степени общечеловеческими вопросами.

Особое, не очень значительное место в литературной деятельности Шеншина занимают его многочисленные переводы. Они отличаются дословностью, но слог их значительно напряженнее, искусственнее и неправильнее, чем в оригинальной лирике Фета. Он упустил из виду основной прием лучшего из русских стихотворных переводчиков, Жуковского: переводить мысль, а не выражения подлинника, заменяя эти выражения равносильными, но составленными в духе русского языка. Жуковский этим приемом достигал легкости и грации своего переводного стиха, почти не нуждавшегося в комментариях, которыми Фет слишком уж обильно уснащает свои переводы античных классиков. Тем не менее, это все-таки лучшие стихотворные переводы из всех других, имеющих на русском литературном рынке и посвященных истолкованию тех же авторов. Особенно известны фетовские переводы Горация, которого Фет переводил, видимо, смакуя эпикурейскую поэзию античного лирика-помещика и мысленно проводя параллели между идиллическим благодушничаньем Горация и собственным деревенским житьем-бытьем. Обладая отличным знанием немецкого языка, Фет очень успешно перевел Шопенгауэра и «Фауста» Гете. В итоге лучшая часть оригинальной лирики Фета обеспечивает за ним весьма видное место не только в русской, но и в западноевропейской поэзии XIX в.

Главная заслуга Фета — в его оригинальной лирике. Фет никогда не забывал той «надписи» Шиллера («Художник»), которая гласит:

«Мастера прочих искусств по тому, что он высказал, судят; мастер лишь слова блеснит знаньем, о чем умолчать».

Фет всегда рассчитывал на вдумчивого читателя и помнил мудрое правило Аристотеля, что в наслаждении красотой есть элемент наслаждения мышлением. Лучшим

его стихотворениям всегда был присущ лаконизм. Пример — следующее восьмистишие из «Вечерних огней»:

Не смейся, не дивися мне,
В недоуменье детски грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.

Немного листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горлинки в дупле.

Тут поэт не договаривает того, что сам он подобен дряхлому дубу, а жизнерадостные мечты в его сердце — «горлинкам в дупле». Он уповает на то, что читатель сам догадается об этом, так как стилистический лаконизм Фета тесно связан с поэтическим символизмом, с красноречивым языком образов и картинных параллелей.

Второе достоинство Фета как лирика, тесно связанное с его символизмом, — его аллегоризм, умение, точно обозначив в заглавии предмет песнопения, подбирать к нему поэтические сравнения, оживляющие интерес к прозаическому явлению; примеры — стихотворения «На железной дороге» (сравнение железнодорожного поезда с «огненным змеем») и «Пароход» (сравнение парохода со «злым дельфином»).

Третья добродетель великого лирика — умение небрежно набрасывать слова, картины и образы, не связывая их стилистически, в полной уверенности, что внутренняя связь даст в результате то, что называется настроением; общеизвестные примеры: «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...», «Чудная картина, как ты мне родна: белая равнина, полная луна...» и т. д. Такие стихотворения особенно удобны для музыки, а именно — для романса. Неудивительно, что, с одной стороны, Фет целый разряд своих стихотворений обозначает словом «мелодии», а с другой стороны, многие стихотворения Фета иллюстрированы музыкой, русскими композиторами («Тихая звездная ночь...», «На заре ты ее не буди...», «Не отходи от меня...», «Я тебе ничего не скажу...», музыка Чайковского и т. д.) и иностранными («Та же тихая звездная ночь...», «Шепот, робкое дыханье...» и «Я долго стоял неподвижно...», музыка г-жи Виардо).

Четвертое положительное качество лирики Фета — его ритмически разнообразная версификация, благодаря разнообразию в числе стоп одного и того же размера (пример: «Тихо вечер догорает...» — 4-стопный ямб, «Горы золотые» — 3-стопный, и т. д.) и с удачными попытками новаторства в комбинации двухсложных размеров с трехсложными, например, ямба с амфибрахийем, что давно уже практиковалось в немецком стихосложении, теоретически допускалось у нас на Руси уже Ломоносовым, но в русском стихотворении до Фета встречалось очень редко (пример из «Вечерних огней», 1891: «Давно в любви отрады мало» — 4-стопный ямб, «Без отзыва вздохи, без радости слезы» — 4-стопный амфибрахий и т. д.).

Названные достоинства присущи вообще всей фетовской оригинальной лирике, независимо от ее содержания.

По В. Чешихину

21 ноября 1892 года в Москве после долгих и тяжелых страданий скончался Афанасий Афанасьевич Шеншин, столь известный в нашей литературе под именем Фета. Это был один из самых своеобразных поэтических талантов в литературном поколении, следовавшем непосредственно за Пушкиным. В чрезвычайной оригинальности его дарования заключается причина того, что о нем судили так различно. Действительно, у него были и горячие поклонники, и жесткие порицатели. Осуждали его за тот круг поэтического содержания, который он наметил себе в удел и в котором неизменно вращалось его дарование; его упрекали за равнодушие к интересам минуты, к современным общественным

вопросам, к злобе дня; его осмеивали и писали на него пародии. Но, как справедливо заметил один из лучших литературных ценителей Фета, граф А. Голенищев-Кутузов, из всех наших поэтов послепушкинского периода он был самым полным воплощением той свободы творчества, той независимости от преходящих условий места и времени, о которой неоднократно говорил Пушкин как об одном из самых коренных свойств художника, и в то же время как о драгоценном праве каждого носителя истинной поэзии:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...

И Фет страстно дорожил этой поэтической свободой, горячо и твердо отстаивал свое право на нее. Фет не раз высказывал свои мысли об отношении поэзии к обстоятельствам времени: «Я никогда не мог понять, чтоб искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты». Он полагал, что «художник, избирая предметом своего творчества вековечные явления мира внутреннего или внешнего, не рискует, что их узнают в его произведении; напротив того, с неустановившимися историческими образами, тем более с предметами современными, беда самому первоклассному поэту». Известное стихотворение Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа...

восхищало Фета своим поэтическим достоинством независимо от мысли, которая может быть в нем угадана. Оценивая эти двенадцать строк со своей точки зрения, Фет находил, что они «были бы современными и за две тысячи лет пред сим, как, вероятно, останутся таковыми же еще на неопределенное время». Уже на склоне лет, приветствуя посетившую его музу, Фет говорил:

Пришла и села. Счастлив и тревожен
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

Как шиллеров певец при разделе мира, Фет взял на свою долю частицу неба — идеальное созерцание жизни, лирическое к ней отношение.

По В. Майкову

Всякий, кто только жил, видел, чувствовал и подстерегал неопределенные порывы своего сердца, — обязан приветствовать Фета. Каждому из людей, не совершенно очерствелых душой, Фет имеет сообщить многое. Ему открыта, ему знакома область, по которой мы ходим с замирающим сердцем и с полузакрытыми глазами: эта область — область поэтических ощущений человеческой души. Наши детские воспоминания, наши детские страхи, наши сладкие ощущения в час занимающегося утра и в темную ночь, озаренную звездами, наши светлые мысли посреди сельского затишья, наши волнения перед свиданием с первой возлюбленной, наши минуты хандры и минуты порывистой веселости — все это олицетворено, высказано, слито с образами и музыкой стиха. Если кто из нас, читая книгу стихотворений Фета, ничего не увидит и ничего не припомнит — значит, ему не надо читать стихотворений. Ум отказывается верить, что поэт на таком маленьком количестве страниц, в тоненькой книге мог наговорить столько светлого,

столько нового, столько нетронутого, столько перечувствованного! Чего только нет в его книге! На какие только стороны тихой русской поэзии не дает она отголоска! Каких только картин не набрасывает перед нами автор, в произведениях коротких и сжатых, иногда немного туманных, иногда кратких до странности. И цель его более чем достигнута. Мы видим перед собой родные снеговые поляны, занесенную снегом ракиту возле ветхой калитки, из которой выбегает гадающая девушка с вопросом: «Как тебя зовут?», мы присутствуем при гаданиях, мы следим за тем, как снеговые поляны тают и разрушаются, как душистая весна начинает веять крылом, мы слышим гром телеги по еще замороженному пути, мы переплываем Днепр в половодье, мы бродим у морского берега, за которым залив раскидывается серебряной ризой. И кроме того, сколько еще картин, сколько еще воспоминаний, сколько еще поэзии, в которой древняя пластика идет следом за германской туманностью, чисто русская картина сменяет страстный лепет, обращенный к Офелии. Фет чует поэзию жизни, как страстный охотник чует неведомым чутьем то место, где ему охотиться. Никакая трудность задачи, никакая тонкость ощущения не пугают поэта, его слово в некотором отношении выше обыкновенного поэтического слова — так метко и далеко бьет он в цель.

Все сказанное должно быть подкреплено примерами. Покажем, как силен Фет в борьбе с неуловимым. Вот, например, стихотворение, о котором невозможно не вспоминать в часы лихорадочной бессонницы, в глухую беспокойную ночь, под влиянием смутных ночных грез, иногда налетающих на человека. Содержание вещи сумрачно неуловимо, как таинственный полумрак между рассветом и утренней мглой, но после стихов, его характеризующих, оно кажется и точным и понятным, и сейчас только прочувствованным.

Полуночные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут —
Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пес;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утес.

Какая фантазия и какая правда, какая смелость и какая строгость исполнения! Целая тревожная ночь в этих двенадцати строчках!

Теперь перейдем к стихотворению «Пчелы», одному из самых фетовских стихотворений. Смело можно сказать, что на русском языке не бывало подобного изображения весенней неги, доходящей до болезности, смутных душевных порывов, не поддающихся даже тени анализа прозаического! Кажется, что поэт, написавший подобное стихотворение, не мог не ощутить некоторого недоверия к своей музе — так тонок и неудобовыражаем предмет, им взятый, так оригинальна манера, с помощью которой он умел воплотить в слова все тонкое и неудобовыражаемое в этой теме. Прочитав это стихотворение, становится ясно, почему из числа всех поэтов того времени, как русских, так и иностранных, именно Фету принадлежит звание угадчика поэзии.

Многое еще можно сказать и о других произведениях поэта, например, о стихотворении «Узник», в котором передано восторженное ощущение затворника перед близостью свободы и моря, о стихотворении «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...», разительно прекрасном по стиху и по теме, которую невозможно изобразить прозаическим словом, о порывистом весеннем гимне «Уж верба вся пушистая...», о стихотворении «Люблю я приют ваш печальный...», проникнутом поэзией сельского спокойствия и пр.

В заключение, говоря о даровании поэта в передаче неуловимого в жизненной поэзии, хочется закончить рецензию последним произведением, истинно волшебным по своей силе, оригинальности и стремительности — «Фантазия». Хвалить стихи подобного рода почти что непозволительно, анализировать их так же невозможно, как анализировать иной пленительный сон, повергающий человека в восторженное состояние и залегающий в его память на долгие годы. Подобные сны даются раз или два в жизни, подобные стихотворения пишутся редко даже самыми могучими поэтами. Это не жизнь и не фантазия, не призрак и не действительность; это — восторженная греза, навеянная беспредельной любовью и беспредельным чарованием майской лунной ночи. Подобной высокой, безграничной, волшебной, изумительной поэзии надо поискать и поискать во всех европейских литературах.

По А. Дружинину

Лиризм чувства всего очевиднее обнаруживается в стихотворениях, внушенных Фету природой, которые останутся самыми замечательными проявлениями русской поэзии, несмотря на их кажущуюся незначительность. Природа — вот первоначальный источник всякой поэзии, и все те, кто не чувствуют ее в природе, напрасно будут искать ее в искусстве. Для таких людей стихотворения Фета действительно должны казаться пустыми и бессмысленными. Первое и бессознательное откровение красоты дается нам в природе, и всякий спор о поэтах и поэзии следовало бы начинать с вопроса: «любите ли вы природу, и как вы ее любите?» Определение чувства природы будет самым лучшим определением. Потребность этого наслаждения создает любовь к литературе. Наслаждение же это сообщается только поэзии. Одна поэзия дает самобытность и жизненность литературе. Потому в какой бы форме, в какой бы степени ни проявлялась поэзия, должно радостно приветствовать ее. Ничто так не делает человека лучшим, ничто так не исцеляет его от загрубелости нрава, черствости чувств, эгоизма, как духовное наслаждение. Всякий, почувствовавший наслаждение от какого-либо произведения искусства, непременно, хотя бы на самое короткое время, делается лучше. Вот в чем заключается благотворное действие литературы на общество. Как ни мелка, по-видимому, роль лирического поэта, передающего ощущения, возбуждаемые в нем природой и своей внутренней жизнью, но если слова его оживлены поэзией, они не пропадут без отзыва, они проникнут и в другое сердце, принесут ему наслаждение и непременно, хоть ненадолго, сделают сердце это и мягче. В человеке ничего не пропадает без следа — ни минуты горя, ни минуты духовного наслаждения; они-то и заставляют нас любить добро и поэзию. Они пробуждали и пробудят еще во многих сердцах сладкие поэтические ощущения и даже минуты живейшего наслаждения.

Произведения Фета имеют свой особенный характер: в них есть звук, которого до него не слышно было в русской поэзии, это звук светлого, праздничного чувства жизни. В картинах ли природы, в движениях ли собственного сердца, но в его произведениях постоянно чувствуется этот звук, чувствуется, что жизнь отзывается в них с светлой, ясной стороны своей, в какой-то отрешенности от всех житейских тревог, — отзывается тем, что в ней есть цельного, гармонического, восхитительного, именно тем, чем она есть — высочайшим блаженством. Всякому знакомы эти мимолетные минуты безотчетно радостного чувства жизни — Фет схватывает их на лету. Почти во всех его произведениях сверкает эта светлая, искристая струя, поднимающая наш обыденный, будничный строй жизни на какой-то вольный, праздничный тон, уносящий душу в светлую, блаженную сферу:

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

Великий смысл дает Гете этому праздничному чувству жизни:

«Когда человек чувствует себя в мире, как в едином, прекрасном целом, когда чувство внутренней гармонии приводит его в чистое, свободное восхищение, — в эти минуты вся вселенная, если б она могла сознавать себя, — удивилась бы и возрадовалась высшей цели бытия своего. Ибо к чему служит все это великолепие солнца, планет и звезд, этих рождающихся и исчезающих миров, если, наконец, счастливый человек безотчетно не станет радоваться бытию своему?»

По В. Боткину